

УДК 821.161.1.09

РЕЛИГИОЗНЫЕ И МИФОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ПОВЕСТИ В. РАСПУТИНА «ПОСЛЕДНИЙ СРОК»

© 2013 Т.А. Никонова

Воронежский государственный университет

Материал поступил в редакцию 15 июля 2013 года

Аннотация: Статья рассматривает религиозные и мифологические мотивы в сюжете повести В. Распутина, наличие или отсутствие которых связано с мировоззренческой рефлексией героев в русской прозе второй половины XX века, со сменой ее антропологической модели.

Ключевые слова: сюжет, мировоззрение, проза, антропологическая модель, контекст.

Abstract: The article is analyzing the religious and mythological motifs in V. Rusputin's story, presence and absence of which is connected with the world outlook of the characters in Russian prose, the second half of the 20th c., as well as with the change of anthropological model.

Key words: story, world outlook, prose, anthropological model, context.

Как известно, все произведения В. Распутина, прочно вошедшие в сознание читателя с 1970-х годов, ставят своих героев на границе жизни и смерти. Повесть «Последний срок» самым названием акцентирует внимание на старухе Анне, время смерти которой вроде бы и приспело: «старухе было под восемьдесят» [1].

Ситуация ожидания смерти актуализирует в сознании читателя тему последней и уже окончательной оценки прожитой человеком жизни, его «рая» или «ада». Как правило, оценка эта — прерогатива не тех, кто уходит, а тех, кто остается. И в этом плане их мировоззренческую рефлексия трудно переоценить.

В полном согласии с этой типологической для литературы, да и культуры в целом ситуацией критика 1970-х годов — времени публикации повести — объявила старуху Анну святой, отметив *завершенность* ее жизненного пути. Такая оценка не противоречила уже сложившемуся к тому времени восприятию «деревенской» прозы, главная заслуга которой, по мнению современников, состояла в актуализации опыта русской классики, позволившего ощутить не прерванной русскую литературную и духовную традицию. Традиция же определила и критическую оценку детей Анны, диктовала обвинения в бездуховности, в утрате связи с истоками. Истоки такой оценки заложены вроде бы в самом тексте — не случайно же главное слово второго, «лишнего» дня жизни старухи *забыл/забыла*, сопровождающее и мысли Анны о детях, и занятия ее детей. Таким образом, внешне логично, по законам литературоведения,

обозначались два сюжетных пласта повести — сюжет Анны и сюжет ее детей, аксиологически не совпадающие друг с другом. Для такого назидательного вывода вроде бы и не нужны были дополнительные доказательства. Однако сегодня эта уже давняя повесть В. Распутина создает иные, более широкие контексты.

И литературоведение, и читательское восприятие 1970-х, удовлетворившись эмоционально-нравственной оценкой, прошли мимо важного распутинского открытия. Герои повести увидены автором на важном перекрестке нашей национальной истории [2]. Причем важность его заключена не в смене исторических дат. Крупнейший русский писатель второй половины XX века, В.Г. Распутин заговорил не о привычной смене поколений, но о смене форм национального бытия. Главная конфликтная, смыслообразующая ситуация строится не только на том, что старуха и ее дети проживают разные жизни, сложившиеся в разных социальных условиях, но они по-разному думают о жизни, смерти, о человеке. Выступившие на первый план онтологические расхождения оказались значительно более глубокими, нежели традиционные поколенческие конфликты, отражающие социальные перемены.

А между тем критика, читательское восприятие 1970-х годов легко прошло именно по этому пути, увидев причину распада традиционной семьи в социальных условиях: «Городские стали, была охота вам с деревенскими знаться!» (с. 400). Но даже современному читателю не нужно объяснять, почему дети Анны в свое время уехали из родных мест, повинувшись житейским обстоятельствам, следуя примеру своих же односельчан.

© Т.А. Никонова, 2013

«Жизнь теперь совсем другая, всё, посчитай, переменялось, а они, эти изменения, у человека добавки потребовали» (с. 453), — объясняет эту ситуацию оставшийся в родном селе Михаил. И его определение «*все ...переменялось*» меньше всего относится к внешним обстоятельствам. В первую очередь переменялось отношение человека к собственной жизни, к ее бытовой стороне. В жизни детей Анны появились собственные регламентации, вроде «раз и навсегда заведенного [Люсей] правила одеваться аккуратно», которые становятся едва ли не самоценными. Внешнее стало определяющим в отношении и к самому себе, и к другим людям. Статусные формы приобретают над ними власть, определяют не только бытовое поведение, но и самооценку, точнее, фиксируют ее отсутствие.

Ощущение несвободы от ситуации, внутренней неправоты рождает нервозность, которой отмечены все сцены «Последнего срока» с участием приезжих. Уже первый разговор братьев и сестер за отцовским столом грозит обернуться скандалом. После первой же фразы Люси, которую та произнесла с приличной случаю «взволнованной грустью», «стал обижаться Михаил», «поддела Варвара», «обиженно сказала Люся». Так маркируется поведение людей в ситуациях поиска виноватого, который исключает любой разговор о самодостаточном человеке. И в этом братья и сестры, несмотря на разделивший их социальный опыт, сходятся. Михаил, роль которого особенно значима, формулирует то, о чем думают его брат и сестры: «Лучше бы она (мать. — Т.Н.) сейчас померла. ... Раз уж собралась, надо было это дело до конца довести, а не вводить нас в заблуждение» (с. 457). И Люся с невольным раздражением думает не только об односельчанах, но даже о матери, «из-за которой ей пришлось напрасно приехать — именно потому, что напрасно» (с. 463).

Смерть матери в ощущениях детей пока такое же *внешнее*, не затрагивающее души *дело*, как и любое другое в житейской череде. Они приехали по телеграмме Михаила на *похороны, поминки*, ритуал которых им известен и диктует их поступки: Михаил купил водки, Люся сшила черное платье, Варвара, как и положено, плачет. Но «от самой беды (т. е. от смерти. — Т.Н.) никакого дела больше не шло» (с. 416). Каждому из героев необходимо перед лицом неизбежной смерти матери из мира привычного, освоенного быта шагнуть в неведомое, прожить «лишние», как позже определит их Анна, дни между жизнью и смертью, не в житейском, а онтологическом измерении.

Столь неотвратимо жесткая ситуация, в которую поставил В. Распутин своих героев, позволила в повести сказать о тех потерях, какие он увидел

в своем современнике. Их суть в том, что мир в глазах человека второй половины XX века стал одномерен, лишился и духовной, и культурной глубины, о которой традиционно говорила своему читателю русская литература. Долгое господство антропоцентричных идей в общественном сознании привело к замене концепции человека родового моделью «человека делающего», в центр своей практики ставящего социальную прагматику. Вспомним «производственную» драматургию 1970-х годов «о человеке на своем месте», откровения «женской» прозы этого же периода, сюжеты прозы «сорокалетних» — реальный литературный фон распутинских «старинных старух». Несложно заметить их «традиционность» на фоне популярных тогда литературных и общественных дискуссий. Достаточно лишь назвать пьесы начала 1970-х годов, с успехом и шумом прошедшие по всем театрам страны [3], чтобы ощутить глубинную разницу авторских позиций. Если герои И. Дворецкого и А. Гельмана хлопочут о социальной востребованности исполнителя — человека «на своем месте», то В. Распутин в те же годы («Последний срок» — 1970, «Прощание с Матерой» — 1976) говорит о самодостаточном человеке, о нравственной обеспеченности *всей* его жизни и меньше всего — о социальном статусе героя. Онтологичность распутинских подходов не применима не только к «производственным» ситуациям ныне забытых текстов И. Дворецкого и А. Гельмана, но и к житейским сюжетам всей литературы второй половины XX века. То, что должны были пережить герои «Последнего срока», необходимо не только им. В. Распутин напоминал своим современникам о естественных основах истинно человеческого существования — о небе над головой и о регламентирующей силе традиции национального бытия.

«Старинные старухи» В. Распутина в литературе второй половины XX века были тем последним поколением русских людей, о жизни которых можно было рассказать целостно и непротиворечиво. Их жизнь, ограниченная, как водится, рождением и смертью, ощущалась ими как счастье быть, как чудо, полученное в дар. В варианте повести, переработанном автором для сцены, она прямо говорит об этом: «Я как подумаю, вон какая мне выпала удача — жить! Скольким, поди, было отказано, кто на это мое место стремился, а мне выпало. А я потом вам помогла, чтобы вы тоже жили!..». Включенность в единую цепь поколений ощущается героиней и как радость, и как ответственность, долг¹.

Все, о чем думает Анна в ночь, которую сама себе назначила для смерти, выстраивается в удивительно стройную и завершенную систему, где всему находится место: и молодости, и детям,

и жизни, и смерти. Анна прожила свою нелегкую жизнь не жалуясь и никому не завидуя. Нередко она «в веревку скручивалась», спасая семью. Но это не изменило ее отношения к жизни как к дару, как к счастью быть. «Своя жизнь — своя краса. Случались и у нее свои светлые, дорогие радости, каких ни у кого не бывало, случались и дорогие печали, которые чем дальше, тем становились дороже, роднее и без которых она давно бы уж растеряла себя в суете и мельтешенье; после каждого несчастья она заново собирала себя из старых косточек, окропляла живой водой и подталкивала: ступай, живи, без тебя никто на твоё место не заступит, без тебя никто тобой не станет. Пока не избылась — будь, иначе нельзя» (с. 531).

Анна живет там, где ей выпало родиться, ни от чего не отказываясь, ни на что не жалуясь. «Как можно жаловаться на то, что было твоим собственным, больше ничьим, и что выпало только себе, больше никому» (Там же).

На протяжении повести старуха и ее дети живут не только в разных ритмах, но и в разных смысловых полях: в суете и взаимных препирательствах проводят дни братья и сестры, в беседах с памятью, в осмыслении собственного пути проходят ночи Анны. Она абсолютно самодостаточна, поэтому главной для нее является собственная оценка, а не взгляд «со стороны». Кульминационным моментом сюжета старухи Анны, безусловно, является ночь, назначенная ею для своего ухода.

«Старуха хорошо знала, как она умрет, так хорошо, словно ей приходилось испытывать смерть уже не один раз. Но в том-то и дело, что не приходилось, а все-таки почему-то знала, ясно видела всю картину перед глазами. Может быть, потом, перед самой кончиной, это открывается каждому человеку, чтобы он заранее, пока еще в памяти, досмотрел свою жизнь до последней точки. О начале ему рассказали, когда он подросток и стал понимать что к чему, и было бы неправильно, несправедливо, если бы ему не явился конец.

Она уснет, но не так, как всегда, незаметно для себя, а памятно и светло — *словно опускаясь по ступенькам куда-то вниз* и на каждой ступеньке приостанавливаясь, чтобы осмотреться и различить, сколько ей еще осталось ступать. Когда она наконец сойдет на землю, покрытую сверху желтой соломой, и поймет, что теперь *полностью уснула*, навстречу ей с *лестницы* напротив спустится такая же, как она, худая старуха и протянет руку, в которую она должна будет вручить свою ладонь. Немея от страха и радости, которых она никогда не испытывала, старуха мелкими шажками начнет подвигаться к протянутой руке, и тогда вдруг *справа* откроется широкий и чистый, как после дождя, простор, залитый *ясным немым*

светом. Душа в нетерпении поторопит старуху, и она пойдет скорее. Идти надо будет совсем немного, и старуха почти сразу увидит, что пришла. В последний момент ей захочется отступить или обойти место, к которому несли ее ноги, но она не сможет ни того, ни другого и остановится как раз там, где надо, а потом, уже не владея собой, виновато подаст руку, чтобы поздороваться, и почувствует, что рука свободно, как в рукавичку, входит в другую руку, полную легкой, приятной силы, от которой оживет все ее немощное тело. И в это время *справа, где простор*, ударит звон.

Сначала он ударит громко, празднично, как в далекую старину, когда народ оповещали о рождении долгожданного наследника, потом лишний гром в нем уберется, и над старухиной головой поплывет, кружась, *песенная перезвонница*. В непонятном волнении старуха оглянется вокруг себя и увидит, что она одна: та, другая старуха исчезла.

И тогда, никого не пугаясь, счастливо и преданно она пойдет *вправо* — туда, где звенят колокола. Она пойдет все дальше и дальше, а кто-то, оставшись на месте, *ее глазами* будет смотреть, как она уходит. Ее уведет за собой затихающий звон.

Как только она скроется из виду, *глаза опадут* и затеряются в соломе. *Лестницы* тоже исчезнут — до следующего раза. Земля сровняется, и наступит утро. *Живое утро»* (С. 529-530. Курсив наш. — Т.Н.)

Столь просторная цитата необходима, чтобы представить целостный *миф* героини о ее собственной жизни. Он принадлежит не только Анне. Его структурируют поэтические представления, сотканые из легко опознаваемых источников — освоенных народной памятью фольклорных и евангельских преданий и мифов.

В их числе *сон* и *смерть* — освоенная литературой и фольклором связка, естественная для Анны, как и время, назначенное ею для ухода (ночь). Столь же естественно появление *лестницы* — мифопоэтического образа связи *верха* и *низа*, онтологически значительных смысловых пространств, входящих в целостную мифопоэтическую *модель мира* и дополненную христианской традицией. Связь лестницы и сна в мыслях Анны отсылает к «лестнице Иакова» из книги Бытия², которая, по свидетельству В.Н. Топорова, в христианской традиции есть также один из символов схождения с креста [4]. И этот смысл представляется актуализированным земной жизнью Анны, которая «жила нехитро: рожала, работала, ненадолго падала перед новым днем в постель, снова вскакивала, старела — и все там же, где родилась, никогда не отлучаясь, как дерево в лесу, и справляя те же человеческие надобности, что и ее мать» (с. 531). Совсем как в пословице, которую вспоминает Анна — «Кто где родился, там и пригодился» (с. 544).

В.Н. Топоров указывает, что движение по лестнице «связано с риском, т.к. она неустойчива сама по себе», но Анна у В. Распутина знает, что никакого риска для нее нет, как нет и страха перед неизведанным. «Немея от страха и радости», она доверится тому, что ее ожидает, как Иаков доверился пророческому сну. И если в художественной литературе *лестница* – мифопоэтический знак перехода от центра к периферии, от внутреннего к внешнему, то в сознании Анны *лестница* приведет ее к давно ожидаемому главному миру, где откроется для нее «широкий и чистый, как после дождя, простор», где ее встретят праздничным звоном, «как в далекую старину, когда народ оповещали о рождении долгожданного наследника». Это и есть для Анны *рай*, обещанное место вечного блаженства, где ее ждут, где она станет *центром общей* радости.

Не случайны в сюжете ухода Анны ясный и немой (вечный) *свет*, простор и звон, которые она ожидает *справа* (и православие, и восток как страна *света*)³. Именно в такой Эдем отправится *ожившая* (воскресшая) героиня, и кто-то *ее глазами* будет смотреть ей вслед.

Глаз в мифопоэтической традиции символ, связанный с магической силой, часто губительной. Но воскресшей Анне глаза уже не смогут принести вреда. Она знает, что они опасны лишь смертному человеческому телу, но не ее бессмертной душе. Рядом с мифопоэтическими представлениями в сознании Анны возникает ощущение бесконечности времени и ее, Анны, вневременного (едва ли не ветхозаветного) присутствия в дрящейся мировой жизни.

«И вдруг теперь, перед самым концом, ей показалось, что до теперешней своей человеческой жизни она была на свете еще раньше. Как, чем была, ползала, ходила или летала, она не помнила, не догадывалась, но что-то подсказывало ей, что она видела землю не в первый раз. Вон и птицы рождаются на свет дважды: сначала в яйце, потом из яйца, значит, такое чудо возможно и она не богохульствует. <...> это воспоминание мелькнуло перед ней отзвуком какой-то прежней, посторонней памяти.

Она осторожно перекрестилась: пусть простится ей, если что не так, она никого не хотела прогневить этим непрошенным воспоминанием, она не знает, откуда оно взялось и как оно к ней попало» (с. 538).

Столь единонаправленно выстроенный (от бытовой повседневности – в пространство и время вечности) сюжет ухода Анны («Изжилась до самого доньшка, выкипела до последней капельки») должен был завершиться в ожидаемые героиней сроки, что само по себе стало бы наградой-признанием достойно прожитой

жизни («...на мать нам пожаловаться нельзя»). Не противоречил бы такой финал и устоявшейся литературной традиции. Именно его ждал читатель, воспитанный на русской классике, к этому готовили его сюжеты «деревенской» прозы. И, наконец, этого ждали дети Анны, готовые, как сказал Михаил, «дело до конца довести».

Однако В. Распутин предлагает не ожидаемое завершение сюжета, а разворачивает новую жизненную коллизию, разрешение которой – за пределами повести. Анне предстоит последнее и самое трудное испытание. Ей предстоит пережить острое чувство стыда, вины за оставляемый мир. Это один из важных распутинских сюжетов, питающих его творчество в целом. Как и Дарья из «Прощания с Матерой», Анна могла бы попенять сама себе: «Лучше бы мне не дожить до этого – господи, как бы хорошо было! Не-ет, надо же, на меня пало. На меня» (с. 37).

Анна и ее дети к *последнему сроку* приходят из разных миров, оценивают его с разных позиций. Дети воспринимают смерть как небытие, как обрыв существования. Им неведомо, что в философском, религиозном смыслах она «представляет собой одну из важнейших отправных точек развития самосознания, осмысления человеком своей индивидуальности» [5, 516]. Они чувствуют «страх и боль вместе, больше всего их пугало, что они, глядя на долго отходящую мать, видели, казалось, то, что людям смотреть нельзя» (с. 418). Язычники своего века, они боятся заглянуть за порог небытия. Жизнь, которую они прожили, не готовила их к принятию таинства смерти, к тому, что смерть – необходимый этап «развития самосознания», важная часть *духовной работы* человека над самим собой.

Однако и сюжет Анны, которая не боится смерти, готова к ней как к соединению души с ожившим немощным телом, как к радости (вспомним, что встретить ее должна «песенная перезвонница»), не завершается так, как ожидала героиня. Вместо чаемой благодати ей предстоит прожить «лишний, ненужный день», которого «она с самого начала не хотела и боялась... если не суждено было умереть ей ночью, значит, что-то предстоит еще вынести днем» (с. 542).

Чего же еще не вынесла в своей жизни Анна, похоронившая в этот последний свой день «на свечку, которую вынесли на солнце, где она никому не нужна»? Оттого, что она не простилась с Миронихой, как подумала Анна, «со своей единственной во всю жизнь подружкой»? Оттого, что не приехала Танчора? В этом Анна тоже обвинила себя: «...что она за мать, если смогла вытерпеть такую разлуку?» (с. 513). Опять мы сталкиваемся с христианской готовностью признать собственную

вину, рождаемую обязательствами перед другими людьми, с ответственностью за исполнение единого для всех нравственного закона.

Чувство вины и боли испытывают и дети Анны. Перед лицом смерти матери они утратили извечное право детей не думать, не помнить. И эта утрата рождает ощущение невосполнимости потери и – вины. До этого момента они позволяли себе не знать, не помнить, что жизнь состоит не только из житейского мельтешенья. Вина и стыд, как известно, есть чувства личностные, ибо будят совесть – «способность человека критически оценивать свои поступки, мысли, желания, переживая и осознавая свое несоответствие требованиям долга и идеала» [5, 523].

Повестью «Последний срок» В. Распутин обозначил тот перекресток национальной истории, с которого должна начинаться уже иная история, с иными героями. В свою последнюю ночь Анна спрашивала себя: «Знать хотя бы, зачем и для чего она жила, топтала землю и скручивалась в веревку, вынося на себе любой груз? ... только ли для себя или для какой-то пользы еще?» (с. 537). Анна не ответит на этот вопрос. Он принадлежит писателю, знающему о том, что и смерть «старинных старух» необходима в этом мире. В повести «Прощание с Матерой» читаем: «Смерть кажется страшной, но она же, смерть, засеивает в души живых щедрый и полезный урожай, и из *семени* тайны и тлена созревает семя жизни и понимания.

...Человек не един, немало в нем разных, в одну шкуру, как в одну лодку, собравшихся земляков, перегребающих с берега на берег, и истинный человек выказывается едва ли не только в минуты прощания и страдания – он это и есть, его и запомните» (с. 105-106).

Никонова Тамара Александровна, Воронежский государственный университет, филологический факультет, кафедра русской литературы XX-XXI, заведующий кафедрой.

Дальнейшие поступки детей Анны, не выдержавших испытания смертью, за пределами повести. А это уже другие сюжеты, а главное – другое мировосприятие, другая культура чувства. Человек внешний заменил в «послераспутинской» литературе самодостаточного героя «деревенской» прозы периода ее расцвета. Он остался там, в 1970-х, ушел из нашей жизни вместе со сменившимся бытом, со «старинными старухами», последними героинями русской литературы.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Распутин В. Повести / В. Распутин. – М. : Молодая гвардия, 1976. – С. 397. Ссылки на это издание даются в тексте работы в круглых скобках.
2. См. об этом: Никонова Т. Простившись с Матерой... / Т. Никонова // Подъем (Воронеж), 1984. – № 12. – С. 122-129; Простившись с Матерой... Проза В Распутина 1970-х годов // Русская литература XX века: Учебное пособие. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1999. – С. 588-597.
3. Дворецкий И. Человек со стороны: Современная хроника» (1972); А. Гельман. «Премия» (1975)
4. Мифы народов мира. В 2 т. – Т. 2. – М. : Советская энциклопедия, 1982. – С. 51.
5. Словарь философских терминов. – М. : ИНФРА-М, 2011.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- 1 Дарья в «Прощании с Матерой» передает слова своего отца: «Худо ли, хорошо – живи, на то тебе жить выпало. ... живи, шевелись, чтоб покрепче зацепить нас (ушедших предков. – *Т.Н.*) с белым светом, занозить в ем, что мы были» (с. 27).
- 2 «И увидел во сне: вот, лестница стоит на земле, а верх ее касается неба; и вот, Ангелы Божии восходят и нисходят по ней» (Быт. 28, 12).
- 3 «И насадил Господь Бог рай в Едеме на востоке и поместил там человека, которого создал» (Быт. 2, 8).

Nikonova Tamara Aleksandrovna, Voronezh State University, Philological fakulty, Department of Russian literature of the XX-XXI centuries, professor